

Летний зной в Хэло был беспощадным. Отстояв многочасовую очередь, люди изнывали от жары и обливались потом, но никто не смел жаловаться. Не нравится стоять — проваливай, никто не держит.

Время тянулось мучительно медленно. Палящее солнце словно выжигало землю дотла. С восьми утра до часу дня Сун Чжиши не сделал ни единого глотка воды. Но вот очередь наконец поредела, и подошел его черед.

Прежде чем переступить порог, Чжиши достал чистый платок, вытер пот с лица, облизнул пересохшие губы и, оправив одежду, вошел внутрь.

От летней духоты у девушки, сидевшей на регистрации, давно иссякло терпение. Ей приходилось по многу раз отвечать на одни и те же вопросы, а когда попадались неграмотные, разжевывать всё по крупицам — и то понимали через раз. Поэтому, когда на пороге появился Сун Чжиши, чистый и свежий, будто дуновение прохладного ветерка, ее взгляд заметно оживился.

Она принялась придирчиво изучать его анкету, то и дело сверяясь с фотографией.

— Сун Чжиши?

— Да, — кивнул он.

Заметив, что юноша не спешит продолжать разговор, девушка не выдержала:

— У вас есть какие-то вопросы?

Будь на его месте кто-то другой, она бы только порадовалась молчанию, но с Чжиши эта тишина почему-то заставила ее смутиться.

Он лишь покачал головой:

— Нет, никаких.

— Что ж, жаль, — не без легкого разочарования вздохнула она. — Ладно, идемте со мной на медосмотр.

Вся процедура оказалась чистой формальностью: измерили рост, вес, проверили зрение, а после врач коротко расспросил о наследственных недугах и инфекционных болезнях.

Чжиши, разумеется, прошел проверку без сучка и задоринки.

— Рост — метр семьдесят четыре, вес — пятьдесят пять килограммов.

— Спасибо.

— Пойдите, товарищ! — окликнула его девушка. — Вы забыли заполнить графу направления. Куда вас определить: в вокальную труппу или в танцевальную?

На самом деле Чжиши одинаково хорошо пел и танцевал, так что особой разницы для него не было — просто очередная работа. Но в голове вдруг всплыл образ танцевальных туфель, которые на днях подарил ему Гу Хуай. И он, словно поддавшись какому-то наитию, ответил:

— В танцевальную.

— Хорошо. Тогда берите анкету и идите к заднему входу в здание городского комитета. Экзаменаторы ждут там.

Здание городского комитета, о котором она говорила, считалось одной из немногих хэлоских пятиэтажек и служило местной достопримечательностью. То, что Шахтерский ансамбль песни и пляски Шэньгань умудрился выхлопотать здесь помещения для прослушивания новых артистов, говорило о многом — руководство ансамбля явно не поскупилось на расходы.

Несмотря на простоту, медосмотр все же отсеял нетрудоспособных, неграмотных и тех, у кого имелись явные проблемы со здоровьем. Так что у входа на первый тур очередь заметно поредела.

Толпа разделилась на два лагеря. У одного входа было шумно и многолюдно: соискатели сбивались в кучки, оживленно переговариваясь. У другого же сиротливо жались всего несколько человек.

Сун Чжиши хватило одного взгляда, чтобы во всем разобраться.

На шэньсийской земле у каждого первого голос от природы сильный и зычный — здешнюю оперу Циньцян выводят так, что любо-дорого послушать. Голосовые связки даются от рождения, а технику всегда можно подтянуть. С танцами же всё иначе: тут нужна многолетняя выучка и гибкость с малых лет. В таком захолустье, как Хэло, о профессиональных хореографах и слухом не слыхивали. Местные жители под плясками до сих пор понимали разве что неистовые удары в поясные барабаны Аньсэ, а о классической хореографии, современном балете или народных танцах даже понятия не имели.

Поэтому, хоть набор шел в обе труппы, танцевальная испытывала катастрофический дефицит кадров.

В прошлой жизни Чжиши, уверенный в своей универсальности, просто поддался общему

течению и записался на вокал, даже не пытаясь вникнуть в эти тонкости.

И зря. Пусть он и владел несколькими инструментами, да и пел недурно, его природный тембр уступал голосам самородков из глубинки. Едва окончилось его тогдашнее прослушивание, как руководитель вокальной труппы Цуй Дафу велел ему возвращаться домой. Чжиши срезали на первом же этапе.

Смириться с подобным щелчком по носу тщеславный юноша, бредивший ансамблем, конечно же, не смог. Вспылив, он прямо на месте затеял ссору с Цуй Дафу. Тот в ответ разразился тирадой о его заносчивости, ветрености и полном отсутствии искренней любви к искусству, смешав Чжиши с грязью. Скандал докатился до директора ансамбля Ли Фэнчуня. Закончилось всё тем, что вмешался Гу Хуай и, задействовав свои связи, все-таки пристроил упряма в труппу.

Это кумовство задело за живое остальных претендентов, и Чжиши, сам того не ведая, нажил себе кучу врагов еще до начала работы.

Впоследствии это и стало одной из главных причин, почему отношения с коллегами так и не сложились. В ту суровую эпоху в почете был честный, упорный труд, а тех, кто пролезал по блату, презирали всей душой.

Теперь же, выбрав танцевальную труппу, он убивал двух зайцев: и соперников меньше, и со старыми врагами сталкиваться не придется. Идеальный расклад.

Выбросив лишние мысли из головы, Чжиши отыскал тенистый уголок под раскидистым деревом и присел на корточки, надеясь спокойно переждать время.

Как оказалось, умников вроде него хватало. Стоило ему устроиться в тени, как он заметил за стволом парня и девушку, тоже спасавшихся от зноя.

Сун Чжиши никогда не отличался общительностью, да и соваться к незнакомцам с пустой болтовней не любил. Он лишь вежливо кивнул им, снял соломенную шляпу, накрыл ею лицо и прикрыл глаза, спасаясь от палящих лучей.

Парень под деревом поначалу тоже не обратил на него внимания. Он лениво жевал травинку, вяло переговариваясь со своей спутницей. Но стоило ему присмотреться к лицу новоприбывшего, как травинка тут же выпала из его приоткрытого рта.

— Ты... ты же... Сун... Чжиши?!

Услышав свое имя, Чжиши невольно удивился. Кроме маленького Сяо До, знакомых в городе у него не было. Он сдвинул шляпу с лица и посмотрел на говорившего. Перед ним стоял молодой парень, примерно его лет.

Парень был невысокого роста, с тонкими, даже миловидными чертами лица, но одет в мешковатую темно-синюю рабочую робу. Давно не стриженные, всклокоченные волосы падали ему на лоб, приоткрывая угрюмый, недобрый взгляд.

— Точно, это ты! Сун Чжиши! — выпалил тот, не скрывая торжества.

— Да, это я. А мы знакомы? — Чжиши лихорадочно перебирал воспоминания, но так и не смог припомнить этого парня. Даже если они и пересекались в прошлой жизни, за долгие десятилетия стерлись имена всех мало-мальски незначительных людей.

Услышав этот вопрос, парень буквально вскипел:

— Ты меня не знаешь? Или просто решил сделать вид, что не помнишь?! — Он принялся нервно расхаживать взад-вперед, так и пыша злостью и раздражением.

Вдруг его взгляд упал на экзаменационный лист в руках Чжиши. Парень презрительно усмехнулся и ядовито процедил:

— Тоже выискался, артист! Решил в ансамбль податься? Смех да и только. С какой такой стати тебя вообще сюда должны принять? Какое у тебя право соваться в ансамбль!

Еще до прихода сюда Чжиши твердо решил: вести себя тише воды, ниже травы, не повторять прошлых глупостей и во что бы то ни стало получить это место. Терпеть и сглаживать любые углы.

Поэтому, подавив вспыхнувшее глухое раздражение, он спокойно и вежливо повторил:

— Простите, но я все-таки не припомню нашего знакомства.

Этот тон взбесил незнакомца еще сильнее. Смерив Чжиши свирепым взглядом, он выплюнул:

— Ну погоди у меня, сейчас вспомнишь!

Девушка, до этого молча стоявшая рядом, наконец не выдержала:

— Братец, да кто это? Что с тобой такое творится?

На вид ей было годам к восемнадцати. Лицо открытое, с крупными, приятными чертами и круглыми, пухлыми щечками, покрытыми здоровым румянцем — типичная степная красота этих краев. Она с явной тревогой поглядывала на своего разбушевавшегося кузена.

— Всё нормально. Цзяоцзяо, держи свою анкету и не потеряй, — бросил парень и решительным шагом направился напрямик в самую гущу толпы.

"Неужели из-за того, что я выбрал танцевальную труппу, всё пошло наперекосяк? — с тревогой подумал он."

Чжиши рванулся следом, надеясь перехватить скандалиста и уладить всё миром, но опоздал на какую-то долю секунды.

Тот внезапно заорал на всю площадь:

— А ну-ка, честной народ, подходи, не зевай! Гляньте все сюда! Родное отродье капиталистов приползло в наш ансамбль проситься! Любуйтесь на него!

Чжиши похолодел. Этот тип действительно знал его, причем досконально, включая постыдное прошлое его семьи.

Шумная толпа мгновенно смолкла. Десятки удивленных и настороженных взглядов скрестились на них двоих.

То, чего Чжиши так боялся, произошло.

— Капиталист? Кто именно?

— Да вон тот, бледный, с нежной кожей. Разве такие бывают из рабоче-крестьянских семей?

— Батюшки, и с таким клеймом в личном деле он суется в народный ансамбль?

— Да гнать его в шею надо! Кто ж его пустит?

Пересуды со всех сторон больно жалили слух, заставляя сердце Чжиши сжиматься от тяжелого предчувствия.

Зачинщик с явным торжеством наблюдал за произведенным эффектом, бросив на Чжиши вызывающий, глумливый взгляд.

"Зачем Гу Хуай, тайно устроивший меня сюда, раззвонил о моем происхождении на всю округу? — пронеслось в голове Чжиши. — Так вот где зарыта собака..."

Глядя на беснующегося парня, Чжиши наконец нащупал в закоулках памяти нужный образ и спросил:

— Сун Чжимин?

Тот самодовольно осклабился:

— Надо же, вспомнил-таки! Да, это я, Сун Чжимин.

Раз он даже не пытается скрыть свое имя, Чжиши понял: этот выпад был чистой воды импровизацией, продиктованной внезапной злобой.

Приняв молчание кузена за слабость, Чжимин издевательски ухмыльнулся:

— Ну что, язык проглотил? Или я в чем-то соврал? Скажешь, ты не хозяйское отродье?

Больше всего Чжимина бесило это холодное пренебрежение на лице кузена. Повернувшись к собравшимся, он вновь закричал:

— Товарищи соискатели! Все мы здесь — честные рабочие, крестьяне-бедняки, люди с чистой совестью и безупречной биографией! Наш ансамбль создан для трудового народа, чтобы нести искусство в массы! Разве я не прав?!

— Прав! — дружно отозвалась толпа.

— Тогда ответьте мне, — продолжал заводить толпу Чжимин, — имеет ли право этот кровопийца, представитель эксплуататорского класса и паршивое отродье из «черных пяти категорий», стоять в одном ряду с нами и претендовать на место в советском искусстве?!

— Ни в коем случае!

— Да его судить надо на собраниях критики, а не в артисты записывать! Совсем стыд потерял!

— Надо же, с виду такой приличный парень, а внутри — гниль капиталистическая...

Слушая эти гневные выкрики и презрительный шепот, Сун Чжиши оставался внешне абсолютно невозмутимым. Характер у него никогда не был кротким. В последнее время он вел себя тише воды лишь из чувства долга перед Гу Хуаем, но если Чжимин решил, что об него можно безнаказанно вытирать ноги, то он глубоко просчитался.

Стоявшая в стороне кузина Чжимина, Хэ Цзяоцзяо, наконец осознала, что происходит что-то неладное. Она изо всех сил вцепилась в рукав брата, умоляя его замолчать.

Но Чжимин, ослепленный возможностью раздавить кузена, и не думал останавливаться. Он

продолжал глумиться на всю площадь:

— Молодой господин Сун, шел бы ты отсюда подобра-поздорову, пока тебя взащей не выставили! Ха-ха-ха!

На губах Чжиши заиграла холодная усмешка. Он уверенно шагнул вперед под перекрестный огонь враждебных взглядов и громко, отчетливо произнес:

— Всё верно. Моя фамилия — Сун. А мой дед, Сун Цинжун, действительно когда-то владел Текстильной фабрикой Сун.

Семейство Сун, некогда богатейшие люди провинции Шэньси, и их Текстильная фабрика, гремевшая в свое время на всю страну, — эти имена до сих пор помнил каждый старожил.

В толпе повисла мертвая тишина. Всех присутствующих пронзила одна-единственная ошеломляющая мысль: неужели внук того самого великого фабриканта Суна сейчас стоит перед ними здесь, в Богом забытом, пыльном Хэло?

<http://bllate.org/book/19670/1959792>